

Горбань А.В.**УДК 132.1:316****ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ТВОРЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО СРЕДНЕГО КЛАССА**

Идея развития общества представляет собой субъектно-объектный продукт. Форма его трансляции носит субъективный характер. Это создает проблемную ситуацию исследования. Механизм разрешения ситуации предложил А. Тойнби в своей работе «Постижение истории», где он анализирует социальное развитие цивилизации через демонстрацию постоянной динамики отношений «вызов - ответ».

Люди, объединенные определенной системой общественных отношений, являются, как правило, наследниками одной и той же культуры, и поэтому было бы странно, если бы на общий исторический вызов не последовало схожих ответов. По-настоящему удивительным в реальной динамике социальной жизни оказывается как раз то, что «идея, что носится в воздухе», не завладевает умами сразу всех представителей данного общества. И если истинно то, что новая творческая идея или проект не могут покорить все общество одновременно, то истинно и то, что они никогда не появляются за границами социального меньшинства.

В условиях транзитивного общества, отягощенного экономическим кризисом, исторический вызов ждет ответа, основу которого должна составить дееспособная идея. Не стоит ожидать, что такая идея появится из ниоткуда. Ее надо выстрадать, выносить и родить. Этот процесс выходит за рамки возможностей индивидуальных усилий. Он требует согласованного со-творчества на основе диалога, компромисса, толерантности и дистанции от любых форм ангажированности.

Представим одну из попыток выйти на рабочую идею и проверить ее дееспособность в условиях социально-экономического, политического, этнического и конфессионального разнообразия, доходящего до социального безобразия и девиантных форм поведения.

Важным направлением современных исследований ученого-гуманитария видится его ориентир на поиск той идеи, которая обеспечит подлинную правоспособность и дееспособность человека, основу которых составляют: жизнь и свобода, формальное равенство и справедливость. Без этих оснований индивид попадает в отчуждение от всех, от всего и от самого себя, а население получает диктатуру власти, коррупцию и статус общества рабов.

В условиях «транзитивного» общества постсоветского периода, где старая шкала ценностных ориентиров уже не работает, а новая еще не сложилась; где ситуация усложняется реальностью процессов глобализации мира, становлением информационного общества, обострением глобальных проблем, речь в научной среде ведется о новом, ноосферном мышлении. Поскольку ноосферное мышление проходит по реестру ответственного мышления, с ориентиром не столько на долг, сколько на совесть, то в поисках реального субъекта ноосферного мышления пристальное внимание обращено к интеллигенции. Вновь актуализируются вопросы о потенциале интеллигенции, о ее претензиях и ее предназначении или призвании.

Проблема интеллигенции сегодня актуальна не столько сама по себе, сколько по поводу ее возможности быть и стать духовным наставником, «поводырем», идеологом той части общества, которая способна, с одной стороны к стабилизации общественных отношений на основе толерантности и партнерства, а с другой – к динамичному развитию современного общества на основе свободной конкуренции и законности в направлении трансформации его в общество гражданское.

В современной научной литературе к такой стабильной и, в то же время, динамичной части общества, традиционно относят средний класс [см. 1, 3-4, 13, 15].

Сегодня термин «средний класс» не сходит со страниц научной и публицистической печати. Но все размышления о среднем классе, как правило, лежат в плоскости декларации о том, что «средний класс» – это панацея решения всех проблем постсоветского пространства. При определении понятия «средний класс» доминирует не системный, а случайный набор признаков, обусловленных скорее представлением о феномене среднего класса, а не ориентиром на его сущность [см. 11, 14]. Его структура определяется по «остаточному принципу». Такой подход не столько открывает истину, сколько скрывает ее, приводя к очередному заблуждению.

«Средний класс» относится к тому типу конвенциональных понятий, которые используются часто и, как правило, без строгого смыслового наполнения [см. 4, 9, 14]. Казалось бы, таков удел широкого круга терминов современного научного дискурса. Впрочем, справедливо и другое утверждение: если некое понятие действительно является конвенциональным, то, безусловно, должна существовать негласная договоренность о его условном значении. Сложность ситуации с понятием «средний класс» заключается в том, что в нем непроясненным остается как раз его условный смысл.

Характерно, что применение в научной литературе и повседневной коммуникации термина «средний класс» не приходит в противоречие с непроясненностью его значения [см. 1, 3, 12-15].

Вводя в обиход термин «средний класс», можно констатировать нечто существенное для интерпретации современного общества и социальной идентичности основной массы его населения. Сравнивая разные общества, можно судить о мере их зрелости по тому, насколько развит в них «средний класс» («средние слои»).

«Средний класс» можно рассматривать и как социальный факт, и как социальный конструкт, и как терминологическую условность, и как предмет социального анализа, и как строгий научный термин, и как эпистемологическую метафору [см. 1, 3-4, 9-11, 13-15].

На сегодня термин «средний класс» строго не прописан в социальной науке. Несмотря на то, что он обладает удивительным зарядом познавательной притягательности, исследователи не стремятся ни к его дефиниционной ясности, ни даже к его жесткой дисциплинарной атрибуции. На аутентичность исследования отечественного «среднего класса» претендуют в равной мере как гуманитарии, так и экономисты, правоведаы, социологи [см. 1, 3, 9, 13, 15].

Средний класс (middle class) – буквально, та часть общества, которая занимает по статусным позициям среднее положение между высшим и низшим классом. Впервые термин «средние слои» (средний класс) применительно к обществу начал употреблять еще Аристотель. Он высказал идею, которая с тех пор регулярно повторяется многими учеными: чем больше будет средняя часть общества, тем стабильнее будет и само общество. В XX в. термин «средний класс» получил очень широкое распространение, поскольку именно в это время наблюдалось его резкое численное увеличение. Анализом среднего класса занимались Макс Вебер, Норман Элиас, Л.Уорнер, Д.Голдторп и др. Даже марксисты, несмотря на абсолютизацию биполярности классовой структуры (пролетариат – буржуазия), признавали существование среднего класса, относя его к промежуточным социальным группам. Наиболее глубоко и всесторонне проблемы среднего класса рассматриваются в рамках стратификационного (функционального) подхода в социологии.

В конце XIX столетия в Америке социально-сословная структура раннеиндустриального общества достигла такого состояния, когда социокультурная родственность некоторых срединных сословий стала настолько очевидной, что и родовое понятие, объединяющее их, возникло вполне естественно и логично. **Термин «средний класс» уступил место понятию «средний класс».** Понятие «middle class» описывало количественно немногочисленную группу высококвалифицированных профессионалов, репрезентирующих доходные, престижные и, главное, перспективные профессиональные занятия.

В начале XX века к среднему классу относили мелких собственников и независимых предпринимателей. Но по мере развития «общества массового благосостояния» в развитых странах произошло повышение жизненного уровня квалифицированных работников наемного труда, которые существенно пополнили ряды представителей среднего класса. Кроме представителей таких элитных высокооплачиваемых профессий как высшие менеджеры, адвокаты, бухгалтера, научные работники и т.д., на уровень среднего класса вышли и зарабатывающие немногим меньше торговые агенты, преподаватели школ и вузов, врачи, клерки, представители многих других массовых профессий.

Если на рубеже веков происходит сближение разных групп населения на основании их социального и культурного сходства (сходства профессионального и имущественного образа жизни), то для социальной консолидации (классовой солидарности) образуемого класса, безусловно, необходимы внутренние – и прежде всего культурные – «скрепы». Если же таковые не обнаруживаются, то вряд ли можно ожидать, что структурируемый класс станет «надежным» социальным образованием – прочным, долговечным и самодостаточным для самоидентификации наполняющих его социальных акторов.

Искомые «скрепы» буквально нащупывались – методом проб и ошибок. Как порождение «рациональной» цивилизации, «средний класс» видел себя в зеркале прагматических ценностей и материалистических критериев самооценки. И даже если «Я – средний класс» индивидуально мог переживать и артикулировать в достаточно широкой палитре риторических возможностей, то «Мы – средний класс» чаще структурировался в форме внятного социального конструкта, отражающего, как правило, совокупность нескольких базовых ценностей конкретного исторического момента.

В качестве основных **объективных критериев** выделения среднего класса принято называть уровень образования и доходов, стандарты потребления, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также способность к высококвалифицированному труду. Кроме этих объективных критериев большую роль играет **субъективное восприятие** человеком своего положения – то есть его самоидентификация как представителя «социальной середины».

Общества «переходного типа» в 90-е годы XX века как никогда актуализировали проблему корректного понимания социальной природы постсовременного «среднего класса». Открытым остается вопрос о структуре среднего класса. С одной стороны его рассматривают как некое довольно однородное образование. При этом подчеркивается, что представитель среднего класса имеет более высокий доход и более выгодные условия труда, чем люди из низшего класса, но у него менее выгодные позиции по этим же параметрам, чем у людей, относящихся к высшему классу. С другой – подчеркивается неоднородность среднего класса. Например, согласно современному британскому социологу Энтони Гиденсу, внутри его можно выделить два «подкласса» [см. 2]. Первый – «старый средний» класс – включает в себя мелких предпринимателей. Он характеризуется непостоянством численности, хотя его удельный вес в составе населения остается довольно высоким. Это является результатом того, что постоянно происходит процесс выбывания разорившихся предпринимателей, который уравнивается притоком новых людей, желающих попробовать свои силы в собственном бизнесе. Второй – «новый средний» класс – состоит из высокооплачиваемых наемных работников, как правило, занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает менеджеров и специалистов, работающих в сфере крупного бизнеса. Эти люди, как правило, имеют высшее образование и являются высококлассными специалистами. К низшему слою относятся учителя, врачи, конторские служащие и т.д. Это очень разнородная группа людей, по многим параметрам схожая с рабочим классом.

Являясь основной социальной группой, средний класс развитых стран выполняет ряд очень важных социальных функций.

Базовой среди них выступает функция социального стабилизатора. Добившись определенного места в социальной структуре общества, представители среднего класса склонны поддерживать существующее государственное устройство, которое позволило им достигнуть их положения. Следует учитывать, что средний класс играет ведущую роль в процессах социальной мобильности, и это также укрепляет существующий социальный строй, предохраняя его от социальных катаклизмов. Недовольство низшего класса своим положением уравнивается представленными им вполне реальными возможностями для повышения статуса в обществе.

Кроме стабилизирующей функции средний класс играет важную роль и в других социальных процессах.

В сфере экономических отношений средние слои выполняют роль экономических доноров – не только как производители огромной части доходов общества, но и как крупные потребители, инвесторы и налогоплательщики.

В культурной сфере средний класс является культурным интегратором – хранителем и распространителем ценностей, норм, традиций и законов общества.

Средний класс поставляет кадры чиновников и управленцев разного ранга – как для государственного аппарата, так и для бизнеса. Саморегуляция гражданского общества также основана на активности представителей среднего класса. Эту его роль называют функцией административно-исполнительного регулятора.

В странах «третьего мира» средний класс – это, как правило, относительно небольшая группа людей. Относительная малочисленность среднего класса приводит к тому, что он не может полноценно выполнять те же функции, что в развитых странах. Это является одной из причин и, в то же время, следствием социально-экономического отставания развивающихся стран.

Сегодня на постсоветском пространстве в целом и на Украине в частности, когда социальная поляризация и дифференциация обретают свое нормативно-легитимное значение, рассуждения о «среднем классе» становятся и более обоснованными, и более обстоятельными. Все чаще в повседневной коммуникации можно столкнуться с обыденной логикой рефлексии «в среднем», что, возможно, чаще всего оказывается тождественным рефлексии «нормального», неаномичного. Сегодня социальные крайности ощущаются постсоветским человеком конкретно, и поэтому гораздо последовательнее выглядит стремление людей к самопознанию себя через символы социокультурной середины, пусть даже и в логике повседневного суждения о том, что сегодня «худо, дальше некуда, но все так живут». В любом случае современный дискурс срединности, отражает как раз стремление людей не выпасть из «нормы».

Украина, все постсоветское пространство, впрочем, как и другие развитые страны западного мира, переживает переход к глобальному обществу. Но в условиях постсоветского пространства этот цивилизационный переход сопровождается сломом старой тоталитарной политической системы и планового способа организации хозяйства. Поэтому установка на нестандартность (рефлексивность) жизненного пути человека приходит в противоречие с практической сложностью реализации принципа свободы жизненного выбора человека. Бедность социальных условий порождает бедность социального выбора. Примером данного утверждения служат наши, украинские реалии.

«Средний класс» на постсоветском пространстве все еще остается привлекательной «утопией». Пока что он представляет собой механический конгломерат больших и малых образований социума. В каждом из них есть свое интеллектуальное меньшинство со своим ориентиром на именно эту социальную группу. Проблема состоит в том, как выявить и включить механизм достижения соборности внутри среднего класса, как единого социального образования. Эту проблему, на наш взгляд, может решить только интеллигенция. Она способна предложить жизнеспособную идею Общего Дела, когда все социальные образования, объединяемые рядом признаков в средний класс, поймут, что только через реализацию этой идеи можно осуществить свои идеи гораздо лучше и продуктивнее, чем отдельно и в разрыве с другими социальными группами [см. 11].

Средний класс уже не «измеришь» по-старому, а развиваться по-новому ему мешают социально-политические обстоятельства. Однако социального ощущения симуляционной срединности, как кажется, может оказаться вполне достаточно, чтобы оценить вектор динамики постсоветского общества. «Новый средний класс» воспитывается вкусом к нестандартности жизненного пути человека. И эта «уживаемая» индивидуализация подкреплена чувством политической лояльности «нового среднего класса». Но отныне она направлена не к державной политике идеократического государства, а к политике социальных изменений.

Важнейшее социальное изменение, где не только проявляется интерес среднего класса, но и какое является жизненно необходимым для его становления, является курс на формирование особого института социальной жизни состоящего из ассоциаций свободных и равных людей, курс на становление гражданского общества.

Востребованность среднего класса обрела особую актуальность в условиях постсоветского пространства, где перемены на рубеже современных веков привели к активному поиску ценностных ориентиров, отражающих как преемственность исторического развития, так и необходимость определения цели, способной соединить общее и единичное, осмыслить ключевые принципы развития мирового процесса и обеспечить усилия, ориентированные на то, чтобы сделать жизнь общества более человеческой, а человека – более общественным (совершенным).

Но кто же может выступить тем идейным вдохновителем, способным сформировать в рядах основной массы среднего класса идеи гражданского согласия, как основы его духовности, базиса Общего дела – основы становления гражданского общества? Наш ответ – интеллигенция.

Интеллигенция – это определенный ресурс модернизации общества, его духовный наставник, интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство с ориентиром на поиск идей, которые должны лечь в основание ответа очередному историческому вызову. Деятельность интеллектуального меньшинства далеко не всегда воспринимается благожелательно и, тем не менее, эта деятельность абсолютно необходима. Интеллигенция должна выполнить свое предназначение. Но уже в этом сокрыта проблемная ситуация. Дело усложняется еще и тем, что сама интеллигенция – это тоже проблема. Поскольку остается открытым вопрос о способах, формах и методах реализации интеллигенцией своего предназначения. Наиболее важная и слабо разрешимая на сегодняшний день проблема состоит в том, что интеллигенция практически отчуждена, не имеет прямого отношения к средствам производства [см. 5, 8].

Важнейшей задачей интеллигенции является ее участие в осуществлении гуманитарного образования, которое является не только средством просвещения среднего класса, формирования его идеологии Общего дела, но и важнейшим фактором преемственности поколений.

Источники и литература

1. Александрова О.С. Специфика становления та розвитку середнього класу в умовах перехідного періоду сучасного українського суспільства. / О.С. Александрова. – Суми: Університетська книга, 2008. – 364 с.
2. Гидденс Э. Социология / Гидденс Э. ; [пер. с англ.; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Иосилевича]. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
3. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России. – Социологические исследования. – 1998. – № 7.
4. Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества. – Мир России. – 1998. – № 4.
5. Кальной И.И. О притязании и призвании интеллигенции / И.И. Кальной // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). – № 3. – Симферополь, 2008. – С. 4-11.
6. Кальной И.И. Гуманитарное образование и воспитание: социально-философский анализ / И.И. Кальной // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 164. – С. 14-18.
7. Кальной И.И. Гражданское общество как одна из составляющих системы координат общественного развития / И.И. Кальной // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Том 17 (56). – № 2. – Симферополь, 2004. – С. 3-12
8. Кизима В.В. Интеллигенция, ценности и смыслы в меняющемся мире / В.В. Кизима // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 164. – С. 18-22.
9. Левада Ю.А. «Средний человек»: фикция или реальность? // Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 288–304.
10. Резник Ю.М., Шоркин А.Д. Социокультурные основания гражданского общества / Ю.М. Резник, А.Д. Шоркин // Гражданское общество: истоки и современность. – С-Пб.: «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 218-306
11. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. / Ю.М. Резник. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 514 с.
12. Резник Ю.М. Парадоксы и перспективы гражданского общества / Ю.М. Резник // // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Том 17 (56). – № 2. – Симферополь, 2004. – С. 13-29.
13. Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М.К.Горшкова, Н. Е. Тихоновой и А. Ю. Чепуренко. М.: РНИСиИП/РОССПЭН, 1999.
14. Согомонов Александр "Средний класс" и образование: QUID PRO QUO? (конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век) // «Отечественные записки» - 2002 - №2. – С. 38-46.
15. Умов В.И. Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом. – Политические исследования. – 1993. – № 4.